

К 70-летию Великого Октября столичный театр имени Евг. Вахтангова готовит премьеру пьесы М. Шатрова «Брестский мир» (в театре ее рабочее название — «Мир или война?»). С репортерами «Недели» после очередной репетиции встретился исполнитель главной роли, актер выдающийся, многие работы которого входят в золотой фонд советского искусства. Сегодня он гость нашей 13-й страницы — народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, председатель Союза театральных деятелей РСФСР, Герой Социалистического Труда **Михаил Александрович УЛЬЯНОВ**.

— Михаил Александрович, гермены, происходящие в стране, весь общественный настрой влияют на вашу нынешнюю работу над образом В. И. Ленина? — Не могут не влиять. Совершенно очевидно необходимость в сегодняшней нашей жизни ленинской правдивости, ленинского антидогматизма. Работая с режиссером Робертом Стуром, мы ищем не историческое сходство, не исторический скот до времени, а соответствие нынешним

ком смысле пьесы Михаила Шатрова представляется еще одним блоком в фундаменте необратимой перестройки.

Вопрос, конечно, в качестве спектакля — как он удастся? Сейчас я говорю о пьесе.

— «Мир или война?» — только рабочее название спектакля?

— Пока не знаю. В названии «Мир или война?» больше современности. Наверно, поэтому Шатров так и написал, отдавая пьесу нашему театру. В этом названии большой философский смысл, чем в обозначении конкретного исторического факта.

— Продолжаете ли вы работу над телесериалом «Штрихи к портрету Ленина»?

— Да. Предстоящей зимой мы должны снять еще одну картину — опять с режиссером Пчелкиным по сценарию Шатрова. Еще не знаю, какой эпизод ленинской жизни выбрал драматург.

— В свое время вы сказали: «Предложение играть в «Штрихах к портрету» чрезвычайно меня увлекло и... испугало». С каким чувством вы приступаете к продолжению «Штрихов...»?

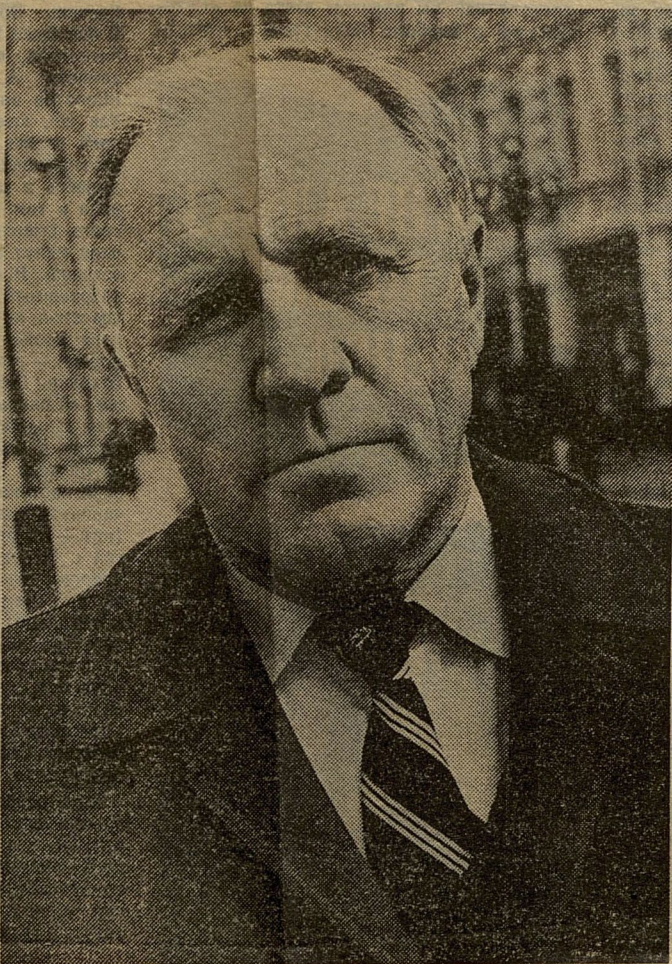
— Сейчас у меня вроде бы появился кредит от зрителя. Зритель доверил мне продолжение своим вниманием к этим работам... Нам всем нужно «себя под Лениным чистить»! Не клясться Лениным, что делается часто и всуе, а именно очищать себя. Чтобы быть ленинцем, мало быть только верным солдатом, нужно быть и умным солдатом.

— Очень многие ваши прежние работы по социальному звучанию злободневны и сегодня...

— Особенно злободневен Бахирев! Недавно фильм «Битва в пути» по телевидению показывали, и он прозвучал так, слов-

ты, тем больше размываются их дух и буква. Вопросы не решаются, а переталкиваются по ведомствам. И кто за что отвечает, часто понять невозможно. А документ лежит — месяцами. И дело стоит на месте... Ох, как медленно мы поворачиваемся!

Возвращаясь к вашему вопросу: актерская профессия — страстная. Если она бесстрашна, то это лицедейство. Если все равно — о чем, про кого и как, то это скоморошество. У актерской профессии должны быть сердце и кулаки.

Михаил Ульянов

проблемам. В чем нам видится сегодняшний дух «Брестского мира»? В прозорливом, гибком, смелом и конструктивном подходе к действительности. Ленин предлагал мир с буржуазией, с империалистической, агрессивной, враждебной нам страной. С точки зрения чистой идеи это было отступление, шаг назад. Но для Ленина быть коммунистом означало прежде всего реально оценивать обстановку, а не отстаивать догму. Нечто подобное, мне кажется, происходит и сейчас. В чем суть борьбы сторонников и противников перестройки? Противники боятся уйти от шаблонов жизни. Почему, кстати, и разгорелся в печати спор вокруг статьи о том, что надо любить Родину и, любя ее, различать гласность «полезную» и «неполезную».

Хорошо же открытие Америки — надо любить Родину! А кто против? Я люблю свою Родину, хочу, чтобы она была самой лучшей, крепкой и чистой. Однако была тяжесть испытаний, вынесенных народом в 30-е, 40-е, 50-е годы. Энтузиазм, горение, нечеловеческое напряжение — тоже были, этого никто зачеркнуть не может. Был и 37-й год, был и переклест в коллективизации, о котором сам Сталин сказал в статье «Головокружение от успехов». Куда от этого денешься? Что же, делать вид, будто все происходило исключительно прекрасно? Считаю, что в таком замазывании проявляется неискренность любви к Родине. Не случайно же мы взвились за перестройку. Перестройка — это не ПРИстройка, не ДОстройка, а ПЕРЕдел! Если все было верно, зачем перестраивать? Так вот, «Брестский мир» интересен не столько историческим экскурсом, сколько реальной, трезвой и смелой позицией Ленина. Ленин не смотрел на мир ни сквозь розовые, ни сквозь черные очки. Не ублажал и не ублаживал. Он говорил: сегодня мы такие, но что-то завтра нам стать другими, нужно сделать ЭТО. Как Ленин смотрел бы, как анализировал сегодняшнюю ситуацию? В та-

но сделан на этих днях. Что, кстати, горько и обидно: прошло 20 лет, а мы бьемся все над теми же проблемами. И почему, собственно говоря, бьемся? А потому, что обозначаем их и не решаем. Настало время решений! Но есть люди, которые опять хотят все перевести в разговорный.

— Так вот, эта череда ролей — определенная творческая линия. Вероятно, она выражает ваши жизненные принципы?

— Чересчур громко сказано: «творческая линия, выражает жизненные принципы»... Проще говоря, для меня актерская профессия — то дело, через которое можно активно участвовать в жизни. Нести свою боль и свою радость в этой жизни, что-то любить в ней и что-то ненавидеть, что-то признавать и что-то категорически не принимать. Вот это и есть гражданская позиция. Если она совпадает с доминантой жизни общества, значит, ты идешь в ногу с ним. Не представляю себе актерской профессии вне этих взглядов и ощущений. Нельзя играть вообще роль. Роль нужна для выражения своего отношения к жизни. Вероятно, это и определяет соответствие времени. Меня многое радует, и беспокоит, и тревожит (особенно тревожит сейчас некое «вальсирование» с перестройкой, заговаривание этого дела). Как председатель Союза театральных деятелей, знаю: пробить новое дело бывает чрезвычайно тяжело. Казалось бы, никто не препятствует и в то же время никто не хочет брать на себя ответственность решения. У нас есть постановление ЦК партии и Совета Министров, правительственные документы. Но чем ниже по бюрократической лестнице опускаются эти докумен-

— Некоторые видные актеры говорят, что все струны, все чувства отыскивают в глубинах своего «я». Но не верится, честное слово, чтобы в глубинах вашего «я» было что-то, допустим, от негодая и приспособленца из фильма «Без свидетелей».

— Столь же определенно можно сказать, что во мне нет болшеинства черт Жукова или Наполеона. Лично я свои роли черпаю не столько из себя, сколько из своего отношения к персонажам. К тому же Наполеону (его я сознательно дегероизировал, за что был обруган рецензентами): мне важно было показать его таким, каким он, кстати, описан в пьесе, с душой страждущей и путаной... Наша профессия предоставляет уникальную возможность. Я знаю свои слабости, свои далеко не безграничные возможности, но, как всякий человек, я — мечтатель. И в актерстве могу воплотить свой мечту — в Жукова, в Наполеона. Я никогда не могу быть таким, но могу это сыграть, побывать во сне этих ролей... После фильма «Без свидетелей» получил письмо: «Ну, я не знала, что вы такой мерзавец!» Я грешник, всякое бывало, но я не персонаж «Без свидетелей». Зато могу показать его вам таким, как он есть. Относиться к нам, как к нашим персонажам, наивно. Наивно отождествлять меня с героем фильма «Председатель», искать во мне черты маршала Жукова...

— Неужели вы не могли бы повести за собой — не армию, не фронт, но роту?

— Повел бы, если бы нужно было. Но я имею в виду не суровую необходимость военной поры, а призвание. По необходимости все идут. Какие командиры были, какие политуки

поднимали за собой бойцов, погибали в атаках! Но это не значит, что каждый из них был командиром по призванию: он стал им по несчастию войны. И из меня по призванию едва ли вышел бы полководец.

Год назад в Краснознаменном зале ЦДСА я сказал собравшимся: «Верю, будет в столице памятник Георгию Константиновичу Жукову». И теперь счастлив, что есть специальное решение о создании такого памятника. Единственно, чего боюсь, — бездарного воплощения. Многие

да многое знаешь и умеешь, но уже ничего не можешь, — прощались со сценой. Потому что старец на сцене, изображающий нечто такое, что он уже не в силах изобразить, — жалкое зрелище. Но, к великому сожалению, у нас пенсия актерская так мала, что уходит из театра актер просто не может. И у нас играют до невероятия долго. Вот, скажем, в Венгрии актер, уходя, получает пенсию, равную зарплате, и может заключить договор с театром на случай, если понадобится. Мы пока решить это не можем. А надо бы.

— Но есть что-то, что вас, председателя Союза театральных деятелей, радует?

— Радует основное: с нами стали считаться. Хотя и не очень, со скрипом, и забывая иногда, даже нарочито забывая. Но тем не менее начали считаться с теми, кто создает. А то ведь парадоксальная ситуация была. Мы делали роли, ставили и играли спектакли, а какой-то не имеющий к этому отношения слой чиновников решал нашу судьбу. Совершеннейшая гофмания! Деятели культуры делали, а чиновники «за них отвечали». Теперь приходим к нормальной жизни. То, что наш союз создан, — великое завоевание. И то, что партия и правительство поддерживают творческие союзы, как правомочную общественную силу — знамение времени. Но кое-кому это мешает, кое-кого раздражает и, я бы сказал, приводит в ярость. И вот тут мы сталкиваемся.

— Расскажите, как вы работаете над ролью.

— Не могу. Этот процесс не подлежит объяснению. Одна роль работает так, другая этак. Один так работает, другой этак. Важно другое — что-бы работа была профессионально высокой. Но и нас много стало, и точек приложения — театр, кино, телевидение, радио. Много халтурщиков. Деловых, мастеровитых — лихо тапочки тебе сошьют за одну ночь. Но — только тапочки. Тапочкошвейтелей у нас развелось! Тяп-ляп-хлоп — «все в норме!». Много поделок. И критика часто не отличает поделку от искусства. Все в одну кучу валим. К ордену представляем налево и направо... Надо выделять Мастеров. Я бесконечно рад, что звание Героя Социалистического Труда присвоено такому выдающемуся мастеру сцены, как Евгений Лебедев. Однако знаю Героев, которые далеко не такие Мастера.

А как с песней плохо! Каждое время рождало любимую песню. Вы можете назвать нынешнюю любимую всем народом песню? Нет такой, которую пели бы сегодня все. На меня, например, Юрмальский фестиваль произвел даже не удручающее, а оглушающее безличностью впечатление. Ни одной личности! По поводу личности: мы так долго ее нивелировали, а сейчас так хотим ее иметь; но она за год не рождается. Может нравиться или не нравиться Пугачева, но она ни на кого не похожа. Выходит, и я вижу, что это Пугачева. А выходит Иванова, Петрова, Сидорова, не все ли равно, кто из них, — стандартность и пятаковость!

— Готовясь к этой встрече, мы старались представить себе вас. Сложился образ Михаила Ульянова: веселый, хотя и суровый с виду человек, всем интересующийся, решительный...

— Ничего о себе говорить не буду. «Мысль, изреченная всуе, есть ложь»; а уж о себе изреченная всуе — трижды ложь.

— Не будем спрашивать ни о каких хобби или рыбалках. Но бывает же у вас свободный момент. Чем занимаетесь?

— Читаю. Читаю то, что, надеюсь, все сегодня читают. О чем сегодня спорят, говорят. С трудом — из-за нехватки времени и отставая, читаю сегодняшнюю интереснейшую литературу, которая играет истинную роль духовного распрямителя.

Гостя расспросили Сергей ДВИГАНЦЕВ, Эдуард ЦЕРКОВЕР. Сфотографировал Виктор АХЛОМОВ.